

Разобщенность близких душ

Депутат и артист Николай Губенко считает слово «элита» не очень приличным

Александр Щуплов

"У поэтов есть такой обычай – в круг сойдясь, оплывать друг друга..." – написал поэт. У художников обычай другой: на свои праздники они приглашают дорогих и близких друзей, коллег по цеху и смежным искусствам. Вот и в мастерской замечательного художника Сергея Алимова мы встретили Юрия Роста, Любовь Полищук. Был там и депутат Госдумы и по совместительству служитель Мельпомены Николай Губенко. С ним мы и побеседовали. Конечно, в центре внимания находился хозяин мастерской Сергей Алимов, незадолго до того получивший Государственную премию. Поэтому и разговор велся о нем. Впрочем, не только о нем.

– Николай Николаевич, вы случайно оказались на этом мероприятии?

– Нет, конечно. Вся моя творческая жизнь связана с Сергеем Алимовым. Мы вместе учились во ВГИКе, он был чуть старше. То, что мы увидели на его дипломе по Салтыкову-Щедрину, было не просто эстетическим взрывом – это было взрывом той степени индивидуальности, которая востребована во все времена. Творчество Алимова, безусловно, является ярким свидетельством советско-российской изобразительной школы конца XX века и начала XXI столетия. Мне кажется, что в жизни каждого художника огромную роль играют его близкие – в частности, жена, мама, отец... Мне не посчастливилось быть знакомым с матерью и отцом Сергея, но его жена Наташа удивительно творческий, энергичный человек, который работает на Сережу и на изобразительное искусство 24 часа в сутки и на котором будет стоять Россия ближайшее десятилетие в области организации выставок и нашего российско-зарубежного обмена.

– Вы так тепло говорите о своем друге... А как вам сейчас самому дышится после всех думских передышек?

– Дышится плохо, потому что я курю с 12 лет и недавно у меня обнаружилась серьезная дыхательная недостаточность. Это сказалось на голосе и может помешать мне в моей актерской деятельности. Но мне уже 60 лет, пора и на тот свет. Если говорить о духовном дыхании, то мне очень не хватает понимания со стороны власти, в том числе президента, Госдумы, всех правительственных структур, включая Лужкова, который тратит огромные средства на продвижение произведений, неприемлемых для меня во вкусовом отношении, в то время как они могли бы быть затрачены на действительно культурные проекты.

– Кажется, сейчас власть должна относиться к вам с симпатией.

– 1991 год нас всех разъединил, или расчленил, или внес технологическое неравенство. Мы

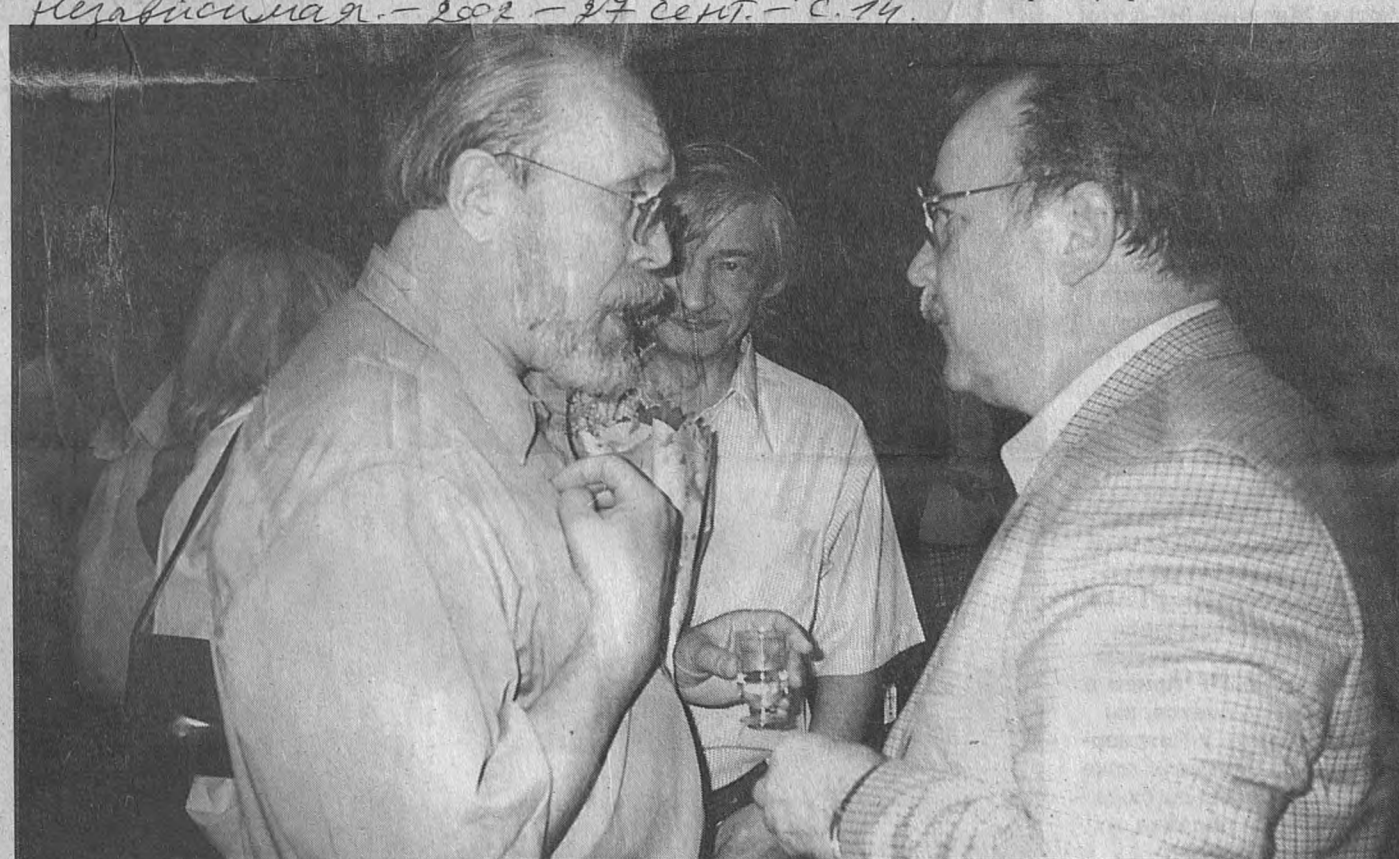
раньше были одним брикетом, одной массой под названием "советская интеллигенция", которая не делилась на такие понятия, как "элита" и "библиотекарь". Все были вместе. В достаточной степени равно бедно существовали. Но не голодали! И вдруг благодаря впрыскиванию какой-то технологической жидкости – этому расчленению в 1991 году – все развелись и стали не нужны друг другу. Это самое страшное, что произошло с интеллигенцией, которая, я уверен, является ведущей силой в устремлении нации в будущее. Интеллигенции в России немного – порядка миллиона ста пятидесяти тысяч человек. Это – библиотекари, музейщики, театральные деятели, все, все, все... Если нас разъединить, никакого будущего нет. Если мы останемся вместе и найдем понимание у тех, кто сегодня преуспел, и у тех, кто пал до уровня отсутствия надежды, мы спасены. Я не знаю, что делать, я знаю только одно: мы не должны лицемерить. Мне по душе Путин. Нормальный человек, хорошо

сложен, спортивен, оперативно мыслит, неплохо знает литературу. Его пристрастия очевидны – реформы. Но я чувствую, что он – человек, который сказал, что его семья – это 145 миллионов россиян, он не знает, что делать с теми 100 миллионами нищих и голодных, среди которых есть наши с вами друзья – библиотекари и т.д. Я хотел бы, чтобы он нашел не просто душевный, но и материальный ресурс, чтобы социально-культурные потребности страны стали одним из приоритетов. В противном случае Россия превратится в абсолютно никчемный суррогат европейского общества.

– Разговаривая с некоторыми шестидесятниками, в частности, с Евтушенко, слышал от него, что пора уже протянуть руку своим коллегам и консолидироваться...

– Да, бесспорно. Но в принципе это невозможно. Уровень разобщенности слишком велик. Снова возвращаюсь к Алимову: я допускаю, что Сережа может уехать на Запад, там нор-

мально жить, рисуя для богатых. Они будут выставлять его в своих галереях. Хорошо ли это для России? Плохо! Нам нужно, чтобы верхи ("элита" – слово не очень приличное) осознали, что их элитность и их богатство находятся в достаточной зависимости от уровня изобразительного, актерского и других искусств. Если они не будут делать то, что должны и обязаны (создавать новые выставочные площадки, закупочные возможности для художников – в части холста, красок), если они не будут рекламно способствовать новым художественным талантам и молодежным образованиям во всех отраслях искусства, то может случиться то, что случается в последнее время: их «Мерседесы» будут переворачивать, витрины станут бить... Они должны знать, что всегда могут столкнуться с непониманием этого нового поколения. А в результате они могут потерять свои материальные ценности и стать тем, кем является бомж у мусорной ямы.

Сергей Алимов и Николай Губенко. Глаза в глаза.

Фото автора